

философских произведений, А. Ф. Коробков показывает, что взгляды Алишахбаны на философские проблемы культуры противоречивы. Они сформировались под влиянием буржуазных философов Запада, в том числе Н. Гартмана, А. Тойнби, М. Шелера, О. Шпенглера, Э. Шпрангера и др. «Не вызывает сомнения тот факт, что он знаком также с некоторыми марксистскими работами, посвященными проблемам культуры и происхождению человека, в частности с произведением Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“», — пишет автор (стр. 124). Особо подчеркивается идеалистический подход Алишахбаны к проблемам культуры. «По мнению Алишахбаны, само содержание понятия культуры определяется не совокупностью достижений человеческого общества в его материальном и духовном развитии, которые используются людьми для дальнейшего прогресса, не развитием производительных сил человечества, не производственными отношениями и основанной на них надстройкой, а лишь проявлением человеческого интеллекта», — говорится в книге (стр. 125).

Пятая и последняя глава — «Буржуазная социология в Индонезии» (стр. 163—198) имеет самостоятельное значение. Убедительно вскрывая методологическую беспомощность буржуазной социологии, автор справедливо отмечает большую ценность обильного фактического материала, который приводят индонезийские ученые.

Значение рецензируемой книги не ограничивается рамками исследования «общественно-политической и философской мысли Индонезии». Оно гораздо шире, если принять во внимание не только своеобразие индонезийской действительности, но и сходные процессы в других развивающихся странах Азии. Автор помогает осмыслить с марксистских позиций сложные процессы, наблюдаемые в современном мире, особенно в тех его районах, развитие которых было деформировано колониальной эксплуатацией.

Достоинство работы заключается также в том, что развитие общественно-политической, социологической и философской мысли рассматривается в тесной связи с реальными экономико-политическими процессами, породившими соответствующие взгляды и концепции.

Книга А. Ф. Коробкова представляет большой интерес как для специалистов, в том числе и этнографов, занимающихся проблемами Востока, так и для широкой научной общественности, которая интересуется национально-освободительным движением и идеологической борьбой в странах Азии.

С. И. Королев, В. И. Кочнев

Е. С. Голубцова. Сельская община Малой Азии III в. до н. э. — III в. н. э. М., 1972, 188 стр.

Изучение развития сельской общины, условий ее существования и взаимоотношений с другими социально-экономическими и общественно-правовыми институтами современного ей мира составляет важнейшее звено исторических исследований в применении почти ко всем периодам жизни человечества, в том числе и к истории античного рабовладельческого общества. Сельская община была очень существенным фактором в экономическом, социальном и политическом развитии общества во всех районах античного Средиземноморья. Подвергаясь разлагающему влиянию рабовладельческих отношений, господствовавших в античных городах, сельская община, однако, никогда не была вытеснена полностью из жизни многочисленного сельского населения, особенно в периферийных районах античного мира, и сама нередко оказывала определенное воздействие на экономические, социальные и политические условия жизни всего античного общества. Поэтому изучение структуры сельской общины, имущественных, социальных, политических отношений в деревне в разных районах античного Средиземноморья является чрезвычайно важным аспектом исследования античности.

Между тем, изучение античного общества Средиземноморья и в советской и в зарубежной науке сложилось так, что до сравнительно недавнего времени почти все внимание исследователей привлекало к себе развитие городов, вопросы же истории сельского населения древнего мира оставались вне поля зрения ученых. Ведущая роль полиса в экономической, политической и культурной жизни античных государств, преимущественное развитие в городах рабовладельческих отношений, обилие разнообразных источников, освещающих все стороны жизни античных городов, систематические раскопки важнейших греческих и римских центров — все это предопределило повышенный интерес исследователей именно к истории античного города и известное пренебрежение изучением сельскохозяйственных территорий и сельского населения древнего Средиземноморья. При этом часто упускалось из вида, что изучение сельских поселений античного мира, их взаимоотношений с полисами, их экономического развития, социальных и политических проблем, связанных с этими поселениями, является необходимым условием для воссоздания правильной картины развития всех рабовладельческих государств древности. Античный полис, так же, как и город более поздних эпох, не мог существовать без связей с окружающей его сельскохозяйственной территорией. Само возникновение города было связано обычно с определенными экономическими и социальными процессами, развивавшимися внутри сельской общины.

Этими положениями определяются актуальность и значимость вышедшей недавно монографии Е. С. Голубовой, посвященной сельской общине в Малой Азии в эпоху эллинизма и в первые века н. э. Работа заполняет значительный пробел, с одной стороны, в наших представлениях о социально-экономическом, политическом и культурном развитии Восточного Средиземноморья в античную эпоху, а с другой — в изучении разных типов общин, как социальных коллективов. Последний аспект особенно важен для этнографической науки, так как дает материалы для суждения об общих закономерностях развития общинных отношений в условиях раннеклассовых обществ. Рецензируемая книга является второй монографией Е. С. Голубовой, посвященной этой проблематике. 10 лет тому назад ею была опубликована книга «Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III веках (независимая сельская община)», в которой Голубова подробно рассмотрела положение сельских общин I—III вв., находившихся на государственных землях. В рецензируемой работе рассматривается другая категория общин первых веков н. э., расположенных на городских землях. Такое деление общин оправдано тем, что автор в обеих своих работах прослеживает значительные различия в развитии этих двух категорий сельских общин. Но это деление не исчерпывает всего многообразия сельских общин. За его пределами остаются общины на частных землях, в императорских доменах, в храмовых владениях. Немного об этих общинах автор говорит в рецензируемой работе (стр. 73—76), нарушая свою же классификацию. Логичнее было бы провести эту классификацию до конца, разделив все сельские поселения Малой Азии на категории по принадлежности земель, на которых они размещались.

Первая часть рассматриваемой работы (стр. 7—60) посвящена характеристике сельской общины Малой Азии в эпоху эллинизма. В первой главе (стр. 8—13) очень кратко рассматриваются источники, говорящие о сельской общине этого времени. Это, прежде всего, эпиграфический материал из деревень и городов Малой Азии: различного рода договоры, описи владений и другие юридические документы, посвященные надписи, надгробия и пр. Е. С. Голубова очень полно и тщательно использует этот материал, проявляя большой исследовательский талант в толковании иногда очень неясных и трудных для понимания источников. Именно скрупулезное изучение лапидарной эпиграфики позволило Е. С. Голубовой прийти к тем выводам об экономическом, социальном и политическом положении сельской общины, которые составляют основное содержание работы. В меньшей степени используются данные нарративных источников. Правда, сведения, сообщаемые античными авторами о сельских поселениях, очень скудны, но все же кое-какие косвенные данные могут быть извлечены из текстов Ксенофонта, Страбона и других авторов.

Во второй главе, посвященной политическому положению эллинистической общины (стр. 14—22), Е. С. Голубова тщательно анализирует термины, употребляемые в греческой эпиграфике для обозначения сельских поселений и их жителей. Особенно детально и всесторонне разбираются термины *κατοικία* (катойкия), *κατοικοί* (катойки), *κατοικοὺντος* (обитающие в катойкии). Терминологическое исследование имеет глубокий исторический смысл, так как позволяет автору выяснить социальное и политическое значение различий между отдельными категориями сельских поселений. В частности вполне убедительными представляются соображения Е. С. Голубовой о различиях между *κομαί* (комами) и *κατοικίαι* (катойкиями). Жители катойкий, в отличие от обитателей ком, лично владели своими участками, не были связаны с общинными переделами земли, с круговой порукой и пр.; кроме того, они были лично свободными, пользовались свободой передвижения и некоторыми политическими правами. Правильно и замечание автора о двояком смысле выражений *κατοικοὺντος*, под которыми подразумеваются то просто «жители», «обитатели», то все категории неграждан, противопоставляемые гражданам — *πολίται*. К сожалению, Е. С. Голубова не проводит такого же всестороннего исследования других терминов, обозначающих разные типы сельских поселений — *χωρίον* (хорион), *αὐλή* (ауле), *πύργιον* (пюргион), *τετραπύργια* (тетрапюргия) и пр., хотя с некоторыми из них, например, с *χωρίον*, *ἐπαύλια* (эпаулия) автору приходится неоднократно встречаться в дальнейшем исследовании. В понимании всех этих терминов нет общепринятых точек зрения, и в научной литературе существует много попыток их истолкования.

Определение типов древних поселений Малой Азии было бы важно не только само по себе, но и для разработки классификации сельских поселений вообще.

В третьей главе (стр. 23—42) Е. С. Голубова рассматривает экономическую жизнь сельской общины эпохи эллинизма. Она совершенно закономерно связывает хозяйственное развитие сельских общин с их географическим положением, используя для характеристики природной среды современные географические описания Турции (стр. 23—25). Вообще в этой главе автор неоднократно привлекает сравнительные данные о современном положении изучаемых районов, например, об овцеводстве в современной Турции (стр. 37). Большинство таких сопоставлений вполне оправдано и позволяет лучше представить себе условия и характер хозяйственной жизни малоазиатской деревни античной эпохи. Но вряд ли следовало сопоставлять общинное землевладение Малой Азии рубежа н. э. с элементами общинного земледользования в современной турецкой деревне (стр. 30—31). У читателя создается впечатление о прямой преемственности этих явлений, которая в действительности вряд ли могла иметь место.

Большой интерес представляют в этой главе исследование термина *χορα* и определение статуса хоры различных населенных пунктов Малой Азии (стр. 25—31), экскурс о характере налогового обложения сельского населения (стр. 39—40) и попытки обрисовать, на основании эпиграфических свидетельств, важнейшие отрасли сельскохозяйственного производства и сельского ремесла в эллинистической Малой Азии (стр. 32—39). Некоторое сомнение вызывает только тезис о преобладающей роли в сельских поселениях гончарного и ткацкого ремесел (стр. 38). Известно, что ткацкое дело повсеместно выделяется в особую отрасль ремесленного производства значительно позднее всех других занятий, долгое время оставаясь по преимуществу производством домашним. Если в сельских общинах Малой Азии ткачество уже приобрело характер товарного ремесленного производства, рассчитанного на рынок, то можно смело утверждать, что кузнечное, бронзолитейное, камнетесное, костерезное и другие производства тем более оформились в виде развитых ремесел и должны были играть определенную роль в хозяйственной жизни общин. Отсутствие письменных свидетельств не может служить основанием для отрицания этого, коль скоро такая роль признается за гончарством и ткачеством. Недостаток письменных данных должен только побудить нас обратиться к археологическим материалам, которые одни могут дать более полное представление о развитии сельских ремесел.

Не совсем понятно расплывчатое определение *αυδράλοδα* как неправомерного населения сельских общин (стр. 39). Этот термин прилагался обычно к рабам, да так понимает его в дальнейшем и сама Е. С. Голубцова (стр. 45, 55—56), приводя чрезвычайно характерное сопоставление *αυδράλοδα* и *τετράλοδα* (четвероногие), употребленное в одной из малоазийских надписей (стр. 56).

Последняя, четвертая глава этой части работы посвящена характеристике социальных отношений сельской общины III—I вв. до н. э. (стр. 43—60). В ней рассматриваются различные категории сельского населения, особенно много внимания уделяется вопросу об экономическом и политическом статусе того значительного слоя сельских жителей, который наши источники называют *λαοί* (стр. 46—55). Е. С. Голубцова приходит к очень важному ответственному выводу о том, что эти *λαοί* не могут быть отождествлены с основной массой крестьянства, как представляют себе многие исследователи, и что они должны рассматриваться отдельно от полноправных членов сельских общин — кометов или катойков. Весьма важен и очерк о взаимоотношениях между полисами и сельским населением, находившимся на территории полисной хоры, и о тех острых социальных (а в известных случаях, вероятно, и этнических) конфликтах, которые при этом возникали (стр. 56—59). Наши возражения по этому разделу сводятся к нескольким замечаниям редакционного характера. На стр. 52 Е. С. Голубцова упрекает И. С. Свенцицкую за то, что последний акт продажи *λαοί* Лаодике царем Антиохом II называет «передачей» но сама Голубцова страницей раньше еще менее удачно именует этот акт «дарением». Выказанное на стр. 55 положение, что «кометами назывались все жители общины — комы, в число которых не входили только рабы», противоречит ранее приведенному анализу посвящения из Пандермы (стр. 42—45), в котором Е. С. Голубцова различает три группы жителей Фракиокомы, не являющихся ни кометами, ни рабами.

Вторая, большая часть исследования Е. С. Голубцовой (стр. 61—172) посвящена изучению малоазийской сельской общины I—III вв. н. э., размещавшейся на городской земле. Для этого периода автор располагает значительно большим количеством эпиграфических источников и может более детально осветить многие моменты экономической, социальной и политической жизни деревни Малой Азии.

Вторую часть работы открывает небольшая глава, содержащая обзор источников (стр. 62—69), в которой автор говорит о возможностях и о трудностях использования эпиграфических памятников для реконструкции различных сторон сельской жизни Малой Азии. Хотелось бы в этой связи остановиться на одном вопросе: использовании указаний в надписях для определения места происхождения того или иного лица (стр. 67—69). Е. С. Голубцова не совсем точно называет такое указание этниконом, правильнее было бы назвать его демотиконом. Использование демотикона наблюдается обычно в тех случаях, когда уроженец какой-то местности ставит надпись в другом месте; у себя на родине демотикон, как правило, не применяется. Поэтому неправы те исследователи, которые пытаются отождествить древний населенный пункт, названный по имени упоминаемого лица, с той географической точкой, где найдена надпись. И вполне оправданы сомнения Е. С. Голубцовой в возможности использования демотиконов для локализации тех или иных деревень по месту находки соответствующих надписей (стр. 68—69, 128 и др.).

Вторая глава второй части работы озаглавлена «Экономическая жизнь сельской общины» (стр. 70—97). Содержание главы несколько шире ее заголовка, так как речь в ней идет не только о развитии сельскохозяйственного производства и сельских ремесел (стр. 87—95), о финансовой деятельности общин и о налоговом прессе, налагавшемся на общинников полисом (стр. 71—74, 86—87), но и о структуре и размерах полисных земель (стр. 70—71), о развитии частного землевладения внутри общин (стр. 79—85) и др. Е. С. Голубцова опирается здесь не только на тексты эпиграфических памятников, но и на рельефы надгробий, анализ которых позволяет ей судить о занятиях сельских жителей, об уровне их материального достатка и т. п.

Третья глава посвящена выяснению социальных отношений внутри сельской общины, находящейся на полисной земле (стр. 98—134). Автор рисует убедительную картину социальной дифференциации общинников, прослеживает процесс выделения из их среды разбогатевшей верхушки, протокометов, во многом определявших всю жизнь общины (стр. 98—105). На противоположном полюсе находились неполноправные жители сельских поселений, прежде всего рабы и вольноотпущенники (стр. 105—116). Очень интересны наблюдения Е. С. Голубцовой о большом консерватизме социальных отношений в деревнях внутренних и восточных областей Малой Азии и о более быстрых темпах социального развития прибрежных и западных районов. Несомненно права она и тогда, когда говорит о разлагающем влиянии на общину рабовладельческих отношений в полисах и о проникновении в сельскую общину чужеродных элементов — вольноотпущенников, иноземцев, ветеранов и т. п. (стр. 116—124). Эти приливы элементы содействовали распаду общинных связей, нарушению социальной и этнической целостности общины и обострению социальных противоречий среди сельского населения. Убедителен и анализ семейных отношений внутри общины, тезис о разрушении патриархально-семейных связей в общинах, связанных с городами (стр. 125—128). Сомнение вызывает попытка установить степень проникновения римлян в сельские общины, в так наз. Питу (вряд ли эта община так называлась, Е. С. Голубцова вполне обоснованно сомневается в этом — стр. 128 и напрасно именуется потом ее Питой) и в Паретту, на основании подсчета римских и туземных имен из этих деревень (стр. 129—130). Хотя Е. С. Голубцова и делает соответствующие оговорки, она все же явно недооценивает степень распространенности римских имен среди коренного населения Малой Азии в первых веках н. э. И во всяком случае нельзя носителей римских имен просто именовать римлянами, как это иногда делает автор. Вообще же анализ ономастического материала позволяет сделать интересные выводы об этническом составе населения малоазийских деревень.

В последней, четвертой главе работы (стр. 135—167) Е. С. Голубцова рассматривает политическую и культурную жизнь сельских общин. Анализ надписей позволяет ей говорить о формах политического устройства общин (стр. 135—139), об органах управления и должностных лицах сельских общин (стр. 139—146), о взаимоотношениях полиса и комы, расположенной на его земле (стр. 147—152).

Большое внимание уделяет автор распространению в сельских поселениях греческих и туземных культов, отразившемся главным образом в эпитафах и прозвищах божеств, упоминаемых в надписях (стр. 152—167). Все эти стороны жизни сельской общины рассмотрены достаточно подробно, насколько это возможно по состоянию источников. По тексту второй части работы следует высказать несколько критических замечаний частного порядка.

При описании хозяйственной жизни сельских поселений автор почему-то противопоставляет виноградарство земледелию, подразумевая под последним только полеводство (стр. 87, 89), хотя ясно, что виноградарство является одной из отраслей земледелия. Описывая надгробие из Денизли с изображением всадника (рис. на стр. 123), автор в одном случае склоняется к тому, чтобы видеть в этом всаднике обычного пастуха (стр. 92), а в другом соглашается с мнением издателей этого памятника, трактующих фигуру всадника как изображение божества (стр. 122). О посвященной надписи Зевсу Исиндию в районе Тиманда упоминается трижды (стр. 112, 154, 158), причем дедикаторы рассматриваются то как привезенные рабы, то как жители местной общины. Неясно, почему слово *тетрапύριον*, относящееся к поселению около Мазакки, воспринимается как название поселения (стр. 136), а не как определение характера населенного пункта. О богине, изображенной на рельефе из Каранли-кале, сидящей между двух львов, которую Е. С. Голубцова не берет себя определить (стр. 157), можно уверенно сказать, что это Кибела — и поза и атрибуты ее достаточно характерны. Почитание Бога Высочайшего (*Θεός Ὕψιστος*) совершенно не обязательно связывать с наличием выходцев из Иудеи (стр. 161): в III в. н. э. этот культ был очень широко распространен по всему греко-римскому Востоку. Вряд ли следует культ солнечного божества противопоставлять греческим культам и считать его чисто местным (стр. 159), хотя в нем, конечно, могли проявляться черты не только греческого Гелиоса, но и каких-то восточных солярных представлений. Вообще, может быть, следовало бы несколько больше внимания уделить вопросу о синкретизме малоазийских религиозных представлений первых веков н. э. Это явление очень широко захватывало все области идеологической жизни Империи и может быть хорошей параллелью к прослеживаемому Е. С. Голубцовой на ономастическом материале смешению разноэтничных элементов в пределах одной сельской общины. Анализ упомянутых в надписях личных имен позволяет исследовательнице отметить оседание во фригийских общинах выходцев из Греции, Македонии, Египта, Иудеи и других областей Восточного Средиземноморья (стр. 118—120).

Мы считали нужным довольно подробно остановиться на мелких недочетах книги Е. С. Голубцовой, так как это очень нужная и полезная книга, несомненно, займет прочное место в советской историографии и привлечет внимание не только историков-античников, но и гораздо более широкий круг исследователей — этнографов, археологов, эпиграфистов.

Д. Б. Шелов